

Когда Цзян Си решил, что единственным поводом для новой встречи с Цзян Чжоу осталась лишь возвращённая куртка, судьба в лице доктора Тань Юэ подкинула ему еще один шанс.

— Цзян Си, моя дочка наделала кучу фруктового салата, держи порцию.

Доктор Тань была просто ангелом.

Цзян Си нащупал в кармане молочную ириску. Цзян Чжоу перед уходом всучил ему целую горсть, и мальчик дорожил каждой конфетой, съедая их очень медленно. Сейчас он решил поделиться с доктором Тань — одной, пожалуй, было бы жадно, так что он вытащил две.

— Спасибо, Сяо Цзян Си, — улыбнулась Тань Юэ, принимая угощение. — Тебя тут пару дней не было в больнице, дядя сказал, ты уезжал куда-то погулять с братом, да?

— Угу! — Цзян Си изо всех сил закивал.

— Такой счастливый... Видать, очень тебе этот брат понравился, — Тань Юэ со смехом потрепала его по голове.

Цзян Си решил отнести салат Цзян Чжоу. У бабушки в палате по утрам обычно было спокойно.

— Бабушка, я... я отойду ненадолго. Быстро вернусь, — проговорил он, стоя у больничной койки.

Старушка перевернула страницу книги, даже не взглянув на него. Цзян Си принял это за молчаливое согласие, почесал затылок и выбежал из палаты.

***

— И не надейся, слезы на меня не действуют.

Цзян Чжоу сидел перед мольбертом. Он прополоскал кисть в ведре с водой и резко встряхнул её.

— Какой еще аниме-мерч? Детский сад какой-то. Тебе сколько лет, чтобы целыми днями эту ерунду смотреть? Я же сказал: у твоего брата нет времени, непонятно, что ли?

Рыдания в трубке стали громче, и Цзян Чжоу непроизвольно отодвинул телефон подальше от уха. Наконец в динамике раздался голос матери:

— Цзян Чжоу, ну что ты вечно на сестру орешь! Тебе в радость её до слез доводить? Ну-ну, всё,

не плачь, мама сама с братом поговорит... Сяо Куэй, иди поиграй.

Цзян Чжоу смачно закатил глаза.

— Мне вообще лень с ней связываться.

— Неужели нельзя поговорить по-человечески? Даже если не собираешься ничего покупать, зачем так грубо... Она ведь младше тебя...

— Знаю-знаю: не понимает, маленькая еще, а я старший брат и должен уступать. Она же на ваших глазах росла, не то что я, так что ваша любовь к ней — вещь само собой разумеющаяся, — сдерживая раздражение, отчеканил Цзян Чжоу.

— Ты... ты опять за своё? Господи, я просто не хочу, чтобы Цзян Куэй ревела. Ты же знаешь, какая она невыносимая, когда плачет, у меня нет сил её успокаивать.

— Вот именно. У меня тоже, — бросил Цзян Чжоу и швырнул кисть в ведро.

— Ладно-ладно, не успокаивай, — вздохнула Линь Энь. — Посмотри сам, сможешь купить эту её ерунду или нет. Не сможешь — бог с ней.

— Понял, — быстро ответил он. — Я рисую. Всё, отключаюсь.

Он знал, что мать не договорила: сейчас последовали бы вопросы об учебе, сдобренные порцией наставлений. Стоило им проговорить дольше пяти минут, и они неизбежно начали бы ссориться.

Их отношения с родителями мало чем отличались от нормальных семей, если не считать того, что Цзян Чжоу сейчас всюю проживал период подросткового бунта, и любая родительская нотация казалась ему пыткой.

Он никогда не сомневался, что родители любят его и заботятся о нем, но существовал один очевидный факт: Цзян Куэй они любили больше.

Этот факт он начал осознавать ещё в шесть лет, когда вернулся в родительский дом. Позже, в бесконечных спорах, ссорах и мелких бытовых деталях, догадка лишь подтверждалась.

В тот момент, когда Цзян Чжоу понял, что это не изменить и не оспорить, он просто махнул на всё рукой: «Ну да, родители больше любят сестру, и что с того?»

Да ничего.

Только вот эту «разбитую вазу» отношений придётся грохнуть об пол ещё не раз, пока она не рассыплется в пыль — только тогда он сможет окончательно это отпустить.

***

Когда пришёл Цзян Си, Цзян Чжоу в оцепенении сидел перед чистым, едва загрунтованным холстом.

— Нет вдохновения? — спросил мальчик, заглядывая через плечо.

Цзян Чжоу от неожиданности подпрыгнул, едва не выронив кисть.

— Твою мать!

Цзян Си посмотрел на него совершенно невинным взглядом.

Будь на его месте кто-то другой, Цзян Чжоу уже наградил бы наглеца затрещиной, чтобы выплеснуть скопившуюся злость. Но это был Цзян Си — «маленькое сокровище».

Цзян Чжоу смиренно прижал ладонь к груди.

— У твоего брата сердце слабое, не доводи до инфаркта.

— Ой, прости, — Цзян Си протянул ему розовый пластиковый контейнер. — Я принёс тебе вот это.

— Что там? — По коробке было не разобрать содержимого.

— Фруктовый салат. Доктор Тань дала мне, а я — тебе.

Цзян Си всучил ему салат и уже собрался уходить.

— Эй-эй, постой, — Цзян Чжоу ухватил его за край футболки. — В такую жару ты специально шёл сюда, чтобы отдать мне это?

От больницы до Западной деревни путь неблизкий, даже быстрым шагом топтать минут двадцать.

В груди у Цзян Чжоу потеплело, и ему совсем не хотелось отпускать мальчишку так быстро.

— Посиди со мной немного, — попросил он.

Цзян Си, подумав, кивнул.

Цзян Чжоу одолжил у однокурсника складной стул, и Цзян Си устроился рядом, наблюдая за работой.

Каждый год студенты-художники приезжали в посёлок Чжу на пленэр, но Цзян Си впервые видел процесс так близко. Он слушал объяснения и попутно «подкармливал» Цзян Чжоу фруктами, так как у того руки были заняты кистями.

— Поскольку картина будет в тёплых тонах, я сначала прохожусь жёлтым фоном. Обычно люди делают наброски, а я сразу шмякаю большие цветные пятна, так... о, спасибо, — Цзян Чжоу послушно открыл рот, принимая кусочек яблока. — Так рисовать куда прикольнее. Я, знаешь ли, сторонник экспрессии.

«Похоже на мазню, — подумал Цзян Си, — очень вольную и небрежную».

— Сиси, хочешь попробовать? — Цзян Чжоу макнул кисть в краску. — Допишу этот этюд и дам тебе поиграться.

— Не надо.

Мальчик не хотел зря переводить бумагу и краски.

Пока Цзян Чжоу рассуждал о светотени, он лениво жевал то, что подсовывал ему Цзян Си. Вдруг он замер. Вкус показался каким-то странным. Проглотив кусочек, он спросил:

— А это что? Вкус какой-то незнакомый.

Цзян Си поковырялся в контейнере.

— Вроде манго. Тут всего пара кусочков была.

— Манго... ман... — Лицо Цзян Чжоу в мгновение ока побледнело. — Блядь! Манго!

Он резко отвернулся и попытался вызвать рвоту, но было уже поздно.

***

У Цзян Чжоу была аллергия на манго.

В семь лет он съел кусочек торта, который купила мама, и в тот же день загремел в больницу. Позже в школе он еще пару раз случайно пробовал этот фрукт, и руки тут же покрывались сыпью. С тех пор он за версту обходил манго.

Запах он мог и подзабыть, но это ощущение зудящей боли после приступа аллергии врезалось в память навсегда. И вот оно вернулось.

Он сходил в аптеку, выпил антигистаминные и теперь лежал в номере. Зуд и боль пока не унимались. Цзян Чжоу жалобно поскуливал. Лао Чжоу, зашедший его проведать, только качал головой:

— Как говорится: не ищи приключений на свою задницу. Если ты это всё затеял, чтобы прогулять занятия, я тобой даже восхищаюсь.

— Прояви сострадание, Лао Чжоу, — прохрипел Цзян Чжоу, борясь с желанием разодрать кожу. — Где этот мелкий? Где Цзян Сиси?

Цзян Си робко подошёл к кровати и едва слышно позвал:

— Брат Цзян...

В присутствии посторонних его голос всегда становился крошечным.

Цзян Чжоу вздохнул.

— Учитель Чжоу, я по гроб жизни не забуду вашей доброты. А теперь мне нужно отдохнуть.

— Завтра в восемь утра сбор. Не опаздывай, — Лао Чжоу, не став спорить, вытащил телефон и вышел.

Стоило двери закрыться, как голос Цзян Си окреп:

— Брат Цзян, прости, пожалуйста. Тебе очень плохо?

— А, скоро пройдёт, — Цзян Чжоу посмотрел на него. — Видать, я тебе в прошлой жизни крупно задолжал.

Злиться на него было выше его сил.

— Всё в порядке, — ответил Цзян Си. — Теперь мы в расчёте.

— Ха! — Цзян Чжоу не выдержал и рассмеялся, взлохматив его кудри. — Ну ты даёшь... Ладно, сам виноват: разленился, заставил себя кормить, вот и угодил в яму.

Цзян Си осторожно коснулся красных пятнышек на руке парня.

— Аллергия на манго... Я впервые вижу человека с аллергией на еду.

Манго же такое вкусное, а Цзян Чжоу его теперь нельзя. Какая жалость.

— Ты завтра... уже уезжаешь? — вспомнил он слова учителя про сбор.

— Ага. Придёшь меня проводить? — Цзян Чжоу задумался. — Слушай, может, останешься сегодня здесь? Позвони дяде, предупреди.

— У меня нет телефона, — сказал Цзян Си.

— Это я уже понял, — Цзян Чжоу помахал своим смартфоном. — Номер дяди помнишь?

— Помню.

***

Сбор был назначен на восемь утра, но уже в половине восьмого в холле отеля толпились студенты с чемоданами. Видимо, либо были очень пунктуальными, либо до смерти хотели домой.

Молодой господин Цзян соизволил явиться в самый последний момент, но автобус, как назло, опаздывал. Среди студентов поднялся ропот, посыпались жалобы. Молодые кураторы пытались всех успокоить, а Лао Чжоу в стороне висел на телефоне.

Цзян Си и Цзян Чжоу нашли свободный диван в углу. Цзян Чжоу, закинув ногу на ногу, копался в телефоне. Сегодня он надел белую толстовку с длинным рукавом, чтобы скрыть красные пятна, которые ещё не сошли. У его ног стоял серый чемодан, а рюкзак лежал на коленях у Цзян Си.

Он выглядел очень круто. Когда Цзян Чжоу вот так молча сидел, от него веяло холодной отстраненностью. И только Цзян Си знал, как этот «ледяной принц» ещё полчаса назад ныл и стонал из-за пятнышек на руках.

За всю свою жизнь Цзян Си не встречал никого похожего на него. Цзян Чжоу производил неизгладимое впечатление. Мальчик подумал, что, где бы этот человек ни оказался, он везде будет таким же ярким.

Короткое время, проведённое вместе, открыло Цзян Си множество достоинств Цзян Чжоу. И теперь, перед самым расставанием, ему захотелось узнать его ещё чуточку лучше.

Цзян Чжоу убрал телефон. Он терпеть не мог посёлок Чжу — глухомань, где даже развлечься негде. По идее, он должен был радоваться скорому отъезду.

Но радости не было.

«Это из-за Цзян Си?» — подумал он.

Возможно. Он чувствовал, что они с этим пацаном, как бы это сказать... сошлись характерами. Редко кто из младших не вызывал у него раздражения.

Но грустно было не только из-за разлуки. Посёлок Чжу и город Наньхэ не так уж далеко друг от друга. Просто возникло это гнетущее чувство: каникулы кончились, каждый возвращается на своё место, жизнь снова запускается по привычному кругу.

И их пути больше не пересекутся.

Вот от этого и было тошно.

Цзян Чжоу повернулся к нему, собираясь привычно взлохматить кудри, но Цзян Си вдруг тихо позвал:

— Брат Цзян.

От этого голоса в груди у Цзян Чжоу что-то ёкнуло.

— А?

Цзян Си придвинулся ближе и спросил:

— У тебя есть что-то, что ты ненавидишь?

— Что? — Цзян Чжоу опешил. — Это ты сейчас решил спросить, перед самым отъездом?

— Ну так что? Есть что-то, что тебе сейчас по-настоящему ненавистно?

— Ну... — Цзян Чжоу задумался. — Ненавижу бессилие. И ещё... ненавижу, когда кто-то западает в душу.

«Твою же мать».

Договорив, Цзян Чжоу почувствовал, как щеки обдало жаром. Какая несусветная пошлятина сорвалась у него с языка! Это же всё равно что ничего не сказать!

Заметив растерянный взгляд мальчика, Цзян Чжоу немного успокоился и усмехнулся:

— А ещё я ненавижу темноту. И манго.

Цзян Си тихонько рассмеялся.

«Тьма или просто чёрный цвет?» — подумал он.

— Цзян Сиси, — Цзян Чжоу всё-таки потрепал его по голове. Он подозревал, что вряд ли ещё когда-нибудь встретит такие послушные кудри. — Ты ведь быстро меня забудешь, а? Готов поспорить, и полмесяца не пройдет, как ты выкинешь меня из головы.

— Не забуду, — негромко ответил Цзян Си. — Я же говорил тебе, у меня отличная память. Я, наверное... буду помнить тебя полгода.

— Ого, ну спасибо, что так надолго одолжил мне место в памяти, — Цзян Чжоу невесело усмехнулся.

Цзян Си хотел было спросить: «А ты? Ты тоже скоро меня забудешь?», но не решился.

— Что же до меня... Память у меня так себе, но то, что я действительно хочу запомнить, я буду помнить всегда.

Цзян Си не успел растрогаться, как парень добавил:

— Эй, закрой-ка глаза.

Мальчик послушно закрыл глаза.

И тогда Цзян Чжоу сделал то, что хотел сделать уже давно: двумя пальцами легонько потянул

Цзян Си за ресницы.

— Офигеть, настоящие! А я-то думал, ты каждый день накладные клеишь.

Цзян Си открыл глаза, увидел сияющее лицо Цзян Чжоу и тихо буркнул:

— Детский сад.

— Так, ребятки, автобус приехал! Хватаем чемоданы и строимся на посадку! — проорал Лао Чжоу с таким видом, будто у него гора с плеч свалилась.

Холл мгновенно ожил, толпа студентов хлынула к дверям.

Цзян Чжоу покатил свой чемодан к выходу. Он забрал рюкзак из рук мальчика.

— Ну всё, я поехал, Цзян Си.

— Угу, — Цзян Си замер на месте, провожая его взглядом.

— Давай, иди уже домой, — Цзян Чжоу легонько хлопнул его по щеке на прощание.

Мест в автобусе было полно, толкаться не пришлось. Цзян Чжоу зашёл последним и занял кресло у окна. Лао Чжоу уже стоял впереди, пересчитывая «головы».

— Так, все на месте. Поехали, шеф!

Мотор взревел. Цзян Чжоу отодвинул стекло, чтобы помахать Цзян Си на прощание, но увидел, что этот мелкий паршивец уже опустил голову и медленно пошёл прочь.

— Эй! — Цзян Чжоу не выдержал, высунулся в окно и окликнул его.

Он и сам не знал, что хочет сказать, но машина тронулась ещё медленно, и он успел среагировать. Цзян Чжоу бросил ему пакет с вяленой говядиной и, сложив ладони рупором, крикнул:

— Иди уже! Я пришлю тебе мангу!

Снаружи Цзян Си стоял неподвижно, и его фигурка становилась всё меньше и меньше.

Цзян Чжоу без сил откинулся на сиденье.

«Придурок. Какой же я придурок».

Хотя Цзян Си тоже хорош — такой холодный. Автобус ещё не отъехал, а он уже развернулся.

Цзян Чжоу почему-то представлял, что мальчик будет бежать за автобусом какое-то время... Такая сцена... эх... старомодно, конечно, но трогательно.

Однокурсники, разумеется, не оставили его выходку без внимания: по салону пошли смешки и перешёптывания.

— Ну что, опозорился на весь белый свет? — Лао Чжоу, почуяв интересную тему, подсел рядом. — Кто этот пацан?

— Никто, — бросил Цзян Чжоу.

Если они больше не увидятся, то он действительно — никто. У Цзян Си и так всё непросто, а он ничем не может ему помочь. Это бесило его больше всего.

— Если всё ещё хочешь учиться рисованию, придётся тебе искать другую студию, — вдруг сказал Лао Чжоу. — Я уезжаю из страны.

— Студию закрываешь? — удивился Цзян Чжоу.

— Ага. Поеду за границу учиться, — Лао Чжоу вздохнул. — И раны зализывать.

— Ого, неужели несчастная любовь? — Цзян Чжоу внимательно посмотрел на него. — Никогда бы не подумал.

— Раны-то внутренние, только я их и чувствую, — сокрушённо выдохнул учитель.

— Эх... ну, извини, мне как-то не очень тебя жалко, — пробормотал Цзян Чжоу, откинулся назад и натянул кепку на лицо.

***

Цзян Си с пакетом говядины шёл обратно и по дороге наткнулся на Ван Жунжун.

Ту самую девочку, которая слезами заставила его взять печенье и запретила кому-либо об этом

рассказывать. Ту самую, чье имя всегда вызывало усмешку у Цзян Чжоу.

Ван Жунжун гуляла с двумя подружками. Увидев Цзян Си, они тут же начали хихикать и шептаться, подталкивая Жунжун вперед.

Цзян Си обычно старался обходить таких стороной, а если не получалось — просто кивал в знак приветствия. Но на этот раз простого кивка оказалось мало.

— Цзян Си, ты только не нервничай, — Ван Жунжун сердито зыркнула на подруг и отвела мальчика в сторону.

Цзян Си и не нервничал. Он боялся незнакомцев, а с этой девчонкой они проучились в одном классе с первого по шестой — тут уж какой бы ни была пропасть в общении, страха не было.

— В школу мы теперь тоже одну пойдём, — Ван Жунжун задумчиво потерела косичку.

— Ага, — Цзян Си вздохнул.

— Надеюсь, нас снова в один класс определят. Но даже если нет... ты меня не забывай, ладно?
— сказала она.

Цзян Си не знал, что ответить, и тут увидел приближающегося Сюн Ци.

Этот парень, похоже, всё лето только и делал, что ел да таскался за Ван Жунжун. Верный телохранитель.

В руках у Сюн Ци было четыре стакана молочного чая. Увидев Цзян Си, он так задрал брови, что на лбу собрались складки:

— А этот что тут забыл?

— Не твоё дело! — огрызнулась Жунжун.

— Я вам тут чаю купил...

Сюн Ци не успел даже протянуть стаканы, как Ван Жунжун отпихнула его:

— Да кому нужен твой чай? Кто тебя просил за мной таскаться? Ты меня уже достал!

— Я просто беспокоюсь... Девочкам одним по улицам ходить небезопасно, — Сюн Ци, кажется,

ни капли не расстроился из-за её тона.

Ван Жунжун испепелила его взглядом, а потом осторожно коснулась рукава Цзян Си:

— Проводишь меня сегодня до дома?

Цзян Си покачал головой:

— Мне надо в больницу.

Сюн Ци презрительно хмыкнул:

— Ему за бабушкой ухаживать надо. Да и нищеврод он, даже на чай денег не наскребёт.

— Да замолчи ты! Слышать тебя тошно! — Ван Жунжун в ярости упёрла руки в бока. — Ты что, богач великий? Да ты сам ни копейки не заработал! Тратишь родительские деньги и хвостом за мной ходишь — великое достижение!

Она снова повернулась к Цзян Си:

— Ну, тогда иди. Я сама доберусь. Увидимся в школе.

— Она просто не понимает, — пробормотал Сюн Ци, глядя ей вслед. — Я же ещё маленький, мне работать по закону нельзя.

Цзян Си хотел было поскорее уйти, но Сюн Ци преградил ему путь:

— Говядину гони!

— Нет, — Цзян Си спрятал пакет за спину. — Это мне брат Цзян дал.

— Это тот, из того вечера... — Сюн Ци вспомнил тот тяжелый, давящий взгляд и невольно отвёл руку. — Он тебе вообще кто?

Сюн Ци спохватился, что так и не отдал чай, и бросился догонять девочек. На ходу он ткнул пальцем в сторону Цзян Си:

— Короче, Цзян Си, предупреждаю: держись от Ван Жунжун подальше. И даже не смей о ней мечтать!

Мечтать?

Сюн Ци что, на каникулах словарь заучил?

Только вот адресатом он ошибся. Цзян Си от Ван Жунжун бегал, как от огня, какие уж тут мечты.

Мечта. Что-то прекрасное, но недостижимое.

Цзян Си медленно шел по улице. Если и был человек, о котором он мог бы мечтать, то это... Цзян Чжоу.

Такой хороший, такой яркий — словно маленькое солнце.

Цзян Чжоу и был его несбыточной мечтой.

<http://bllate.org/book/17532/1700947>